

ТАНЦЫ НА КОСТЯХ

18+

Валерий Краснов
Танцы на костях

«Автор»

2026

Краснов В.

Танцы на костях / В. Краснов — «Автор», 2026

Пётр — бармен в баре «Стакашка» на задворках мегаполиса. Он фанатично организует пространство, чтобы сохранить контроль и не сойти с ума в мире, где грань между живыми и мёртвыми почти стёрта. Его посетители — спивающиеся люди, превращающиеся в ходячие скелеты, и сами скелеты — маргиналы, потерявшие облик, волочащие существование по инерции, лишь эхо некогда живых. Пётр ведёт дневник-эксперимент, чтобы разобраться в себе и не потерять рассудок посреди серой реальности, где одна половина стала живыми мертвецами, а другая отрицает это, притворяясь, будто всё нормально. Он уверен, что знает, как жить правильно, но окружающие постоянно испытывают его убеждения. Используя приёмы производственного романа и дневниковых записей, автор рисует портрет человека, спасающегося от экзистенциальной пустоты иронией, порядком и убеждённости в собственном превосходстве. Но тонка ли грань, чтобы самому не стать живым скелетом?

© Краснов В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Краснов

Танцы на костях

Глава 1

Заметки по организации барного пространства

ГЛАВНОЕ: бармен не должен тянуться. Всё нужное — в вытянутой руке.

Грязная (посудомойка, сливы, утиль) и чистая зона (сборка, декор, подача) четко разграничены.

*~~*Их нельзя смешивать.*~~ (вычеркнуто) Их вообще нельзя смешивать! Смешивают все, но это неправильно. Я не смешиваю. Поэтому посуда не воняет.*

Холод

Пиво, белое вино, тоники, сок — отдельно, не в одной кассете с продуктами.

*~~*Некоторые кладут всё в одно место.*~~ (вычеркнуто) Кладут всё в одно место идиоты.*

Лёд

Доступ к нему — с двух сторон рабочей зоны.

Если лёд в конце стола — бармен переломает себе спину. Проверено.

Нижние полки

Только для того, чем пользуешься реже раза в смену.

*~~*Остальное выше.*~~ (вычеркнуто) Ни в коем случае не выше. Высоко — тоже плохо. Идеально — на уровне пояса.*

Скорость

Все движения бармена — короткие и прямые.

*~~*Лишние шаги убивают выручку.*~~ (вычеркнуто) Лишние шаги убивают спину и желание работать.*

Рукава¹

*~~*Удобно, когда рядом.*~~ (вычеркнуто) Удобно, когда не рядом, а сразу под рукой. На кронштейне. Без шлангов через всю стойку.*

Бутылки с сиропами

Переливать в дозаторы² с носиком.

Иначе теряется контроль. Сироп течёт по бутылке, рука липкая, клиент ждёт.

Мусор

Отверстие для отходов — прямо перед барменом.

Не сбоку. Не сзади. Иначе летаешь вокруг стойки как дурак.

Зона кофе

Отдельно от алкоголя. Отдельно от льда.

Кофейная грязь не должна лезть в коктейли.

*Бланиши*³

Хранить перевёрнутыми.

Это не эстетика. Это чтобы пыль не копилась.

Итог (вычеркнуто)

Не итог. Заметка на память: если бар проектировал не бармен — беги. Или переделывай всё сам. Я переделываю.

¹*Рукава — системы подачи газированной воды, тоника или содовой через стационарные краны. Профессиональные бармены их ненавидят, когда они плохо спроектированы. Я ненавижу тоже. Но без них в часы пик — самоубийство.*

²*Дозаторы — пластиковые или металлические насадки на бутылки с узким носиком. Позволяют отмерить сироп каплями, а не лить вслепую. Выглядят дёшево. Работают отлично. Эстетика уступает функциональности — редкий случай, когда я это принимаю.*

³*Бланиши — коктейльные бокалы на короткой ножке. Для плотных, слоистых напитков типа «Б-52» или сметанных ликёров. Перевёрнутое хранение — не причуда. Пыль внутри бокала чувствуется на губах. Клиент не скажет спасибо. Просто не вернётся.*

Ежедневник, который я использовал для рабочих заметок, превратится в сборник моих «высоких» мыслей... А именно, личным дневником... Такого предательства рабочие заметки мне не простят, но тем не менее.

...

Когда-то я переживал тяжелое расставание, тогда я был куда более впечатлительным и наивным. Ныне я совершенно другой человек, однако, вспоминая пережитый опыт, я замышляю воспользоваться интересным инструментом, помогающим проще переживать травмирующий опыт и сохранять ясность ума.

Про этот метод я узнал из какой-то художественной литературы, в которой он вскользь упоминался. Эта процедура помогает лучше анализировать причины своих решений и не отступать от задуманного. Долгосрочные отношения даже после потери, так называемой, любви продолжают существовать на созависимости партнеров. Если в паре возникает серьезный конфликт, кто-то должен сделать первый шаг, чтобы прекратить порочный круг истлевших отношений. Иначе вы обрекаете друг друга на вечный дискомфорт. После совершения шага, ознаменовавшего конец отношений, глупая головешка отчаянно пытается романтизировать прошлое, сворачивая тебя с намеченного курса. Данные головные терзания могут привести к очередному витку порочного круга и попыткам вернуть все назад. Головешка отрицает объективные, непреодолимые причины прекращения контакта с человеком, за что в ответе те самые созависимые отношения.

Суть борьбы с иррациональным поведением и мыслями о романтизации негативного опыта очень проста: необходимо каждый день в моменты, когда тебя накатывают волны этого бреда, писать в дневник, что ты сейчас чувствуешь. Эти строчки ты пишешь не для того, чтобы с кем-то ими поделиться, а чтобы просто выговориться (никому твоё нытье не интересно). Следом необходимо напомнить себе в письменном виде, почему ты решил поставить точку, а после этого, в данном случае самое важное, указать от 3-х негативных качеств бывшего партнера. Прodelывать эту процедуру необходимо каждый день, пока не почувствуешь свободу от головных и сердечных терзаний, сомнений. Мне хватило 1,5 – 2 недели данной терапии.

Как я и упоминал выше, я стал куда более зрелым, я нахожу себя выше этой примитивной иррациональности, но на смену ей с течением лет пришла куда более серьезная проблема.

Возможно, ее можно назвать кризисом среднего возраста, экзистенциальной проблемой самовосприятия и страхом потери себя.

Признавая эффективность ведения личного дневника в прошлом, я намерен попробовать ее испытать, несколько поменяв принцип. Я хочу разобраться в себе и в своих ожиданиях от себя, лучше анализировать пережитый опыт. Главная цель – сохранить рассудок и здравый смысл на фоне хаотичной, серой жизни, ставить личные эксперименты и анализировать их влияние на жизнь и эмоциональное самочувствие. Начну завтра.

(Возможно, если я найду свои старые, сопливые записи о расставании, я приложу их к этим отчетам для полноты картины анализа).

Отчет №1 – 657 год, 1 марта – четверг.

Вынужден отложить эксперимент, я сегодня совершенно не в духе и катастрофически устал. Пишу это, чтобы все же начать, а не бросить. Дорогой дневник и бла-бла-бла, увидимся завтра...

Отчет №2 – 657 год, 2 марта – пятница.

Все же самое сложное в любом деле – это начать. Подтверждаю: начинать действительно сложно, особенно если ты не уверен в том, что начинать вообще надо. Обещаю самому себе и вселенной, что точно уже завтра вечером я сяду с бокалом вина и изолью все скопившиеся мысли, которые так и не нашли своего решения в моей голове. Не пожалею ни бумаги, ни чернил – опишу все. Это и будет долгожданным началом эксперимента.

Отчет №3 – 657 год, 3 марта – суббота.

Пришло время начать, начать... Начну с самого утра, я намеренно старался обращать внимание на волнующие меня вещи, чтобы сейчас их задокументировать. Буду поступать так и в будущем...

Сегодня утром проснулся с ощущением, будто вчера совершил какую-то непоправимую подлость. Лоб в холодном поту, тело знобит. Хотя день прошёл как обычно: я ничего не делал, ни во что не вмешивался и никому не отказывал — просто потому, что никто и не просил. Интересно, а если бы попросили по-настоящему — помог бы? Или инстинктивно отстранился, не желая тащить на себе чужой груз? Хотелось бы верить, что помог. Особенно если вопрос лежал бы в сфере, где я объективно компетентнее большинства вокруг. В радиусе, скажем, десяти километров. Вечером мысли обычно возвышеннее. Амбициозные, почти грандиозные, и — что самое пьянящее — кажутся легко осуществимыми. Утром же приходит отрезвление. Мир снова становится тяжёлым, хмурым и невероятно сложным. Дофамин, гормоны, циркадные ритмы — всё это, конечно, играет свою роль.

Сегодня я ещё относительно бодр. В голове теплятся надежды на переезд и смену работы. Но уже появляется тревожное чувство, что этот район действует как вирус: медленно, незаметно, но неотвратимо въедается в тебя. И чем дольше здесь остаёшься, тем меньше хочется сопротивляться. Раньше я не придавал значения таким мелочам, однако раз уж я обзавёлся целью писать, будем называть это, отчёты, то имеет смысл отражать даже такие мелочи здесь.

Цель на утро была выполнена в полном объёме. Поддерживая режим, я уверенно, через силу, но с большой долей сожаления поднял себя с кровати. Привёл своё лицо в порядок сильным напором ледяющей душу холодной воды, после этого — чашка горячего кофе и стыдливо выкуренная сигарета на балконе. Несмотря на то, что я формально бросил, почему-то привычка никак не хочет отступать от меня. Пугающее свойство табачного никотина: чем дольше воздержание от курения, тем сильнее ощущается эффект от первой сигареты. Обычно говорят «я не курю, я балуюсь», но нет — я признаю своё раболепие перед такой глупой и недостойной привычкой. Подумать только: когда-то кто-то предложил каждый час буквально дышать

продуктами горения, и это получило свою популярность, несмотря на очевидный вред данного занятия.

Отвлёкшись от глубоких, не без доли иронии, мыслей, я размеренно облачился в солидный образ из скромного гардероба, который был по карману рядовому бармену заведения на окраине мегаполиса: прямые чёрные брюки без стрелок, светло-серая рубашка, чёрный классический жилет и серое пальто. Был бы праздник какой — пожалуй, я бы предпочёл белую рубашку с галстуком, но сегодня просто рядовой день, в который, как и всегда, я хочу и должен выглядеть безупречно. Стойко верю, что таким мой образ находят и окружающие, хотя не сказать, что это как-то на что-то влияло бы. Я читал, что правильная осанка, расправленные плечи и поднятый вверх нос искусственно повышают тестостерон, а значит — и уверенность. На мой скромный взгляд, вероятно, это работает, однако такими манипуляциями Атланта из себя не сделаешь, но чувствовать себя будешь лучше.

Как и любой в этом городе, я живу совсем неподалёку от своей работы. Так уж заведено, что место работы определяет место твоего проживания, поэтому дорога от дома до работы не занимает больше пяти минут, но этих пяти минут хватает, чтобы получить откровенный срез об этом районе и о лицах (если они ещё на месте), проживающих в этих кругах. Прямо скажем: работать и жить здесь был не мой выбор, а вынужденная временная мера, но я уже свыкся со своим положением. Солгу, если буду говорить, что жить здесь невыносимо. Заборы будто бы уже и сами покосились от местного флёра, штукатурка — которая сползла ещё в прошлом десятилетии, показывая некачественную кирпичную кладку — хмуро нависающих над головой домов, которые были прагматично возведены с целью: содержать и прятать в себе местное живое и не очень население. Мне даже отзывается прагматизм авторов этих домов: честно, без излишеств, и главное — данные постройки исполняют свою цель. Говорят, что рассматривать окружение по пути на работу, даже если ты ежедневно бываешь там, — это нормально, человеческий глаз утоляет любопытство, но главное зрелище — это другие люди. Вглядываясь в лица прохожих (если они на месте), наш мозг пытается найти какой-то новый контент, что является своего рода развлечением. Все эти предсказуемые мысли посещали мою голову, пока я, подобно поезду на рельсах, перемещал себя на работу — в бар «Стакашка» («потрясающее» название).

По приходу на рабочее место я направился в раздевалку, повесил на вешалку своё пальто, сменил рубашку на рабочую и накинул барный фартук. В силу того, что смена всё-таки утренняя, спешить куда-то было напрасно. В это время в баре особенно одиноко: посетителей немного, приходят исключительно «опохмелиться». Как обычно, я приступил к подготовке рабочей смены: проверил все маркеры сроков годности, нарезал лайм, лимон, приготовил мятую и убрал её в холодильник, подготовил лёд, расставил барное оборудование и инструменты в соответствии с собственным видением эффективного их расположения. Рутинные процессы сопровождалось жужжанием от не очень-то хитрых роботов-уборщиков, которые как раз заканчивали свою работу и отправлялись на места подзарядки. После открытия в заведении ближайший час нахожусь лишь я один, что обусловлено бездушной оптимизацией расходов в сети баров, в одном из которых работаю я. Политика до безобразия простая — минимизация трат на человеческий ресурс. Совет директоров (или там кто-то один — никто не знает) проводил тесты, которые показали: наличие ЖИВОГО бармена повышает выручку заведения, нежели его отсутствие.

Я закончил организацию рабочего пространства, осталось сверить остатки на складе, поставки на который осуществляют автономно, дотошно просчитав и спрогнозировав спрос каждой позиции. Несмотря на это, по регламенту я всё равно обязан подтверждать наличие всего необходимого. Ибо даже в самой точной системе могут закрасться ошибки, хотя при мне таких ошибок не было. Основная ставка сети баров «Стакашка» — реализация алкогольной продукции, с чем бар отлично справляется благодаря или вопреки мне и другим сменщикам.

Заведения разнятся от района их расположения; я надеюсь, что я работаю не в самом худшем, однако есть у меня смутные сомнения...

На часах было примерно 11:30 утра, когда на пороге бара появился первый клиент. Это был живой мужчина средних лет в засаленном халате и тапках. На лице проглядывалась характерная для этого заведения доля отчаяния и небрежная щетина, над которой красные, пьяные глаза. От него веяло хорошим таким шлейфом. Никакого дресс-кода у нас никогда не было, поэтому в его внешнем виде ничего удивительного я для себя не обнаружил. Как и предполагалось, данный товарищ пришёл опохмелиться.

— Чего желаете? — упреждающе и спокойно спросил я мужчину, который усаживался на барный стул у стойки, пока я сам заканчивал протирать бокалы.

— Тебя не удивляет мой внешний вид? — пробормотал ещё не отрезвевший клиент.

— С чего бы вдруг меня это удивило? — с небольшой усмешкой спросил я. — Во-первых, не моё это дело, а во-вторых, это далеко не первая моя смена.

Мог бы я ему предложить заглянуть в это заведение часам так к двум ночи, чтобы уже он удивился происходящему здесь, но не стал. Данный персонаж тут впервые. Не то чтобы я всех запоминал, но по его поведению и дезориентации в пространстве можно было сделать такой вывод.

— Мне холодного светлого пива, — озвучил тот свой заказ.

День оставался предсказуемым настолько, насколько это возможно. Глядя на его лицо, я четко понимал, что сейчас начнётся...

— Я всю молодость отдал предприятию и заводу, а они меня просто вышвырнули, — ожидаемо затеял он разговор. — Ты представляешь? Стоило мне немного расслабиться... а меня просто вышвырнули. А жена, клявшаяся «и в беде, и в радости», просто молча ушла...

Какая драма, какие страсти, да как так можно?! Никогда такого не было, и снова я слышу одни и те же истории.

— А что значит «немного расслабиться»? — всё же я решил наверняка убедиться в предсказуемости этого дня, задав ряд уточняющих вопросов, пока наполняется бокал пивом.

— Я пару раз пользовался продукцией, которую выпускали на предприятии, — промолвил он, глядя на меня стеклянными глазами. — Я её производил. Неужели я не могу проверить качество продукции, которую сделал я?!

— А где предприятие находится? — даже с небольшим азартом задал вопрос я.

— В западной части 37-го района. А что? — мужчина немного ободрился, будто ожидая диалога, которого он так жаждал.

В западной части 37-го района располагается два завода: один — авиационный завод, который производит шасси, обслуживает приборную и корпусную часть для легкомоторных самолётов; другой же... барабанная дробь... ликёро-водочный завод. Теперь внимание, вопрос: мужичок решил проверить качество шасси или чего покрепче?

— Любопытство, — холодно продолжил я. — Раз уж вы начали, а что произошло с вашей женой?

Мужчина в халате нахмурился. Вероятно, это задевает его больше.

— Эта стерва! Постоянно меня пилила, что я слишком много отдыхаю! Много провожу времени с друзьями! Увольнение для неё стало просто поводом, ведь она меня никогда не любила, — со злостью и долей обиды, сквозь зубы, пьяно пробормотал он. — Почему так всегда со мной?!

Я устало выдохнул.

— Если позволите мне некоторую грубость... Вы просто, что называется, «синячили» на работе, потребляли то, что должны были производить. В связи с чем ваша производительность труда упала. Вместе с тем вы создавали, хоть и небольшой, но убыток предприятию, фактически занимались кражей, — я остановился, чуть было не потеряв мысль, засмотревшись на лицо

мужчины передо мной, к которому подступало раздражение, — могу только предполагать... Учитывая ваш опыт и возможные навыки, очевидно, было не одно предупреждение и выговор со стороны предприятия. А ваша жена, очевидно, достаточно долго это терпела, опасаясь, что это станет причиной вашего увольнения... — без доли сомнения трактовал я, пока «собеседник» не попытался меня перебить.

— Слышь, умник, а нуу!... — воскликнул засаленный халат, вскочив со стула.

— Присядьте, я все же продолжу... — твёрдо и отрезвляюще перебил, в свою очередь, уже я его протест. — Как вы сами упомянули, вы достаточно давно работаете на этом предприятии. Другие навыки, если у вас и были, давно позабыты. Вся отрасль производства алкоголя фактически монополизирована. Формально это дочерние или вообще разные компании, однако быть уволенным с одного завода — значит быть уволенным из всей алкогольной индустрии.

Из моих уст издавался весь этот поток, пока мужчина менял одну гримасу на другую, пытаясь вставить слово, но я был непреклонен и был намерен закончить свой список.

— Вас теперь ждёт только постановка в центр труда для дальнейшего распределения на незавидную работу. Глядя на вас, вас вскоре признают «слоем населения, нуждающимся в социализации», фактически — недееспособным. Вас поселят в какой-нибудь депрессивный район, вероятно, уже поселили где-то неподалёку. Вы будете или уже получаете мизерное социальное пособие, которое спускаете на выпивку, и так до тех пор, пока не обратитесь в ходячий труп... Даже могу предположить, а вы можете отрицать, что в какой-то степени это и был ваш план, как бы прискорбно это ни звучало... — закончил я, немного передыхая от нехватки воздуха. Все же длинные речи мне тяжело даются.

У халата пропала злость, он медленно сел на место, немного побледнело лицо, а гримаса уже окончательно приняла форму слабого испуга и замешательства.

— Откуда ты столько знаешь? — дрожа, протатил он через свой рот.

— Как я и сказал ранее, это не первая моя смена, — озвучил я, протягивая наполненный доверху бокал пива. — Не беспокойтесь, переживать не о чем. Я буду рад вас обслуживать. Вы здесь впервые, но уверяю, вы окажетесь здесь ещё много раз. Даже когда с вас сползёт кожа, я так же разолью вам всё, что вы только пожелаете и на что вам будет хватать вашего пособия. Добро пожаловать, здесь вас никто не осудит! — Даже немного восторженно и успокаивающе подытожил я.

Этот «диалог» был бы действительно чем-то забавным, если бы он не повторялся с каждым таким доходягой из раза в раз. Наверняка, его бы и не свершилось, если не этот эксперимент с дневником.

Мужчина держал в руках пиво и пристально смотрел на бокал, будто бы обрабатывал все услышанное.

— Ты считаешь меня жалким? — не отрывая свой взгляд от бокала тихо произнес мужчина.

— Я считаю, что вам нужно расплатиться за пиво, — сказал я, указывая на терминал оплаты. — Касательно лично вас — я не испытываю к вам ни жалости, ни презрения, исключительно наблюдение, ничего личного.

— Как звать тебя? — поинтересовался мой именем посетитель в халате.

— С вашего позволения, обойдёмся без имён. Обращаться ко мне можете просто «бармен», — с наигранной улыбкой донёс я до клиента.

В работе бармена контактного бара всегда важно оставаться по ту сторону стойки от клиентов. Он всё же клиент, а заводить здесь приятелей — самоубийственно. Тем временем мужчина допил пиво, расплатился и медленно зашагал к выходу. Он точно вернётся.

— Заглядывайте к нам вечером, вам точно понравится атмосфера, — всё же решил предложить я, хотя он и без этого обязательно вернётся.

Шли часы, ничем не примечательные. В обеденное время сюда даже заглядывает молодёжь — выпить чашку кофе в рабочий перерыв. Но подходило, наконец, время повышенной загрузки. Время, когда в нашем заведении тишина и всё живое, что здесь было, умирает.

Ближе к 18:30 за дверью бара начал слышаться пока ещё тихий, но тревожный, нарастающий, щёлкающий шум. Его можно было бы сравнить с градом. Плотные щёлкающие звуки сопровождался хаотичным пьяным галдежом, который прерывался на, казалось бы, злобный бездушный смех — точно не принадлежавший человеку.

Бланш, который я держал в руке, так и остался не протёртым до конца. Я пристально смотрел на дверь в ожидании, и наконец, когда нарастающий шум достиг пика, подобно взрыву, распахнулась дверь бара с такой силой, что могло показаться — дверь вот-вот слетит с петель. От этого даже звякнули бутылки на полках за моей спиной.

В тот же момент в зал хлынула толпа живых скелетов, издающая всепоглощающий костяной, накладывающийся эхом сам на себя шум. Скрежет их сухих костей, цоканье челюстей от смеха и характерный ритм костяного шага уже настолько мне породнились, что единственной мыслью, которая меня волновала, была: «Меня ждёт очень много работы».

Толпа живых мертвецов моментально поглотила всё пространство бара. Первый скелет, споткнувшись о косяк, кувыркнулся на пол с характерным хрустом, напоминающим звук падающих сухих веток. Этот мешок костей успел в полёте черепом встретиться с углом стола, но даже не остановился. Как ни в чём не бывало поднялся и поковылял к стойке. Второй — в рваном красном свитере — хромал, но рвался вперёд, расталкивая всех локтями, пытаясь добраться до стойки первым. Третий мертвец пассивно терпел толчки остальной толпы — подобно футбольному мячу его перебрасывали из стороны в сторону, а он безвольно барахтался в этой мертвой круговерти.

Во всём этом скрежете, цоканье и щелчках можно было различить костяные возгласы — заказы на те или иные напитки. Все они, ожидаемо, были спиртными. Я включился в работу с полным погружением: принимал оплату, выполнял различные заказы, технично и быстро разливал коктейли и другие напитки. Именно моя правильная организация пространства позволяет мне комфортно работать даже при таком большом потоке, не надрывая спину. В эти минуты я полностью отключаю голову и отдаюсь рабочему процессу. Мои руки всё делают сами — они знают, куда тянуться и что делать. Я ни о чём не думаю, не переживаю, не волнуюсь, меня ничего не тревожит и не интересует. Для меня эти минуты — настоящая эмоциональная разрядка.

Когда ажиотаж спал и все клиенты получили свои заказы, у меня появилась возможность перевести дух и понаблюдать, как ходячие скелеты жадно вливают в свои «рты» пойло, которое просто стекает сначала по шейным позвонкам, затем по рёбрам и, наконец, на пол. Они корчатся, их передёргивает от крепкого алкоголя, создавая иллюзию, будто они способны опьянеть или ощущать вкус. Они смеются и грустят так, словно способны испытывать хоть какие-то чувства. Сколько бы я за этим ни наблюдал, каждый раз утомительно следить за тем, как эхо когда-то ещё живых людей продолжает имитировать жизнь по инерции. Мне всегда было интересно: после процесса маргинализации и обращения в живого скелета остаётся ли в этих костях хотя бы частичка былого, когда-то живого человека?

Размышляя о мире, в котором приходится жить, я краем глаза заметил, как один из скелетов в шляпе пристально на меня смотрит. Его поведение выбивалось из остальной массы костей, которые предавались имитации куража. Оно выделялось настолько, что могло показаться, будто именно его подсвечивают отдельным прожектором. Пока все вокруг галдели, перебирали кости в плясках, он один просто сидел и смотрел в мою сторону. Он смотрел даже не на меня, а будто бы сквозь меня. Я отвлёкся на выполнение очередного заказа, но меня из процесса приготовления напитка вырвало то, как этот странный скелет медленно встал из-за стола в баре, затем размеренно и ровно направился в мою сторону — к барной стойке. Он,

буквально, крался в мою сторону. Его движение и характер поведения крайне сильно выбивались из всей массы, учитывая мою насмотренность. В нём виднелась не характерная для этих существ осознанность. После того как скелет в шляпе сел за освободившийся стул за барной стойкой, он просто продолжал пристально наблюдать за мной, иногда отрываясь на происходящее вокруг. Это создавало некоторое напряжение и мешало сосредоточиться на выполнении своей работы. Мои усилия не обращать на него внимания были напрасны. Он не просил что-либо ему разлить, он просто сидел. Было бы странно обратиться к нему первым со словами: «чего желаете?». Таким образом я окончательно признаю и себе, и ему, что он поглотил всё моё внимание. Хотя кому «ему»? За этими костями есть хоть что-то живое вообще?

Раздался звон колокольчика от открывающейся двери, на которую я невольно взглянул. Это был тот самый засаленный халат, приходивший утром. Он скромно проник вглубь зала и быстро растворился в нём среди скелетов. В этот момент я столкнулся взглядами со скелетом в шляпе, который не переставал за мной следить. Я застыл, вглядываясь в его пустые глазницы, ожидая, когда он наконец перестанет пялиться. Наша зрительная баталия длилась вечность, вопрос был один: кто первый отведёт взгляд? Окружение перестало для меня существовать, а стойкий, стоявший ранее шум стих. С каждой секундой я чувствовал подступающую тревогу, что не свойственно мне, отчего становилось ещё тревожнее. Его бездушный череп, выглядывающий из тени, которую откидывала его шляпа, будто высасывал из меня что-то человеческое. Это зрительное противостояние я проиграл, но вынужденно, поскольку меня отвлек от него халат, сделавший свой заказ.

— Эй, бармен! Разлей-ка мне водки в графин, двести миллилитров! — воскликнул уже поддатый мужчина в халате, размахивая смятыми купюрами. — Ты был прав, у вас тут вечером весело!

Я отвлёкся от шляпы, достал графин из морозилки. Налил требуемый объём водки и отдал клиенту, который с утра так и не успел протрезветь или хотя бы сменить свой «имидж». Прежнее подавленное настроение халата сменилось каким-то нездоровым весельем. Интересно, это бар имеет такое влияние?

— Премного благодарен, мужик, — халат наигранно поклонился, взял графин с рюмкой и в пьяном танце направился в толпу скелетов, в которой вновь растворился.

Только я взял в руки бланш, который так и не успел должным образом протереть, как со стороны шляпы раздалось:

— Это... Бармен, просьба есть... — холодно прозвучало почти шёпотом из его костлявой челюсти.

— Какая? — непринуждённо спросил я, откладывая бланш в сторону.

В какой-то степени я даже немного выдохнул от того, что, наконец, это давящее молчание и пристальный взгляд закончатся раньше, чем моя смена. На пару секунд за барной стойкой повисла тишина, ожидавшая, что выдаст шляпа.

— Смешай мне такого пойла, чтобы МЕНЯ УБИЛО! — произнёс скелет, выделяя именно конец своей реплики.

Я взглянул на шляпу, думая, что мне послышалось.

— Ахахахаха! — искренне рассмеялся я с присущей мне в такие моменты жадностью. — Хахахахахаха...

Вероятно, в моём смехе виновен и тот факт, что я действительно отпустил ситуацию, которая так сильно мешала мне сосредоточиться. Я больше не чувствовал дискомфорта.

— Ты, видно, шутишь! — хлопнул я ладонью по столу, отчётливо произнеся. — Посмотри на себя, ты ведь и без того... труп...

Шляпа многозначительно взглянул на своё отражение в стоявшей рядом бутылке пива. Так он провёл ещё несколько секунд, вдумчиво всматриваясь в своё костлявое отражение.

— И правда, труп! — скелет резко развёл руками, будто внезапно об этом вспомнил.

— Не смешно... Мне тебе нечего предложить по твоей просьбе, — сказал я, взяв вновь злополучный бланш, чтобы наконец его протереть.

— Ну и не смейся, раз не смешно, — ровно сказал скелет, отведя взгляд на полки с бутылками алкоголя. Он явно пытался найти что-то подходящее.

Мне пришла в голову глупая, но забавная идея.

— Хотя... — протянул я, взглянув на поллитровый стакан, куда я сливаю излишки от коктейлей. — Думаю, не совсем то, что тебе нужно, но тоже сгодится.

У меня появилась небольшая улыбка на лице от комичности ситуации и того, что я намереваюсь ему предложить. В процессе работы при высокой загрузке возникают случаи, когда бармен (даже самый профессиональный) переливает по мерникам — остаются излишки, которые могут не поместиться в бокал с коктейлем. Эти излишки не всегда удобно выливать в раковину, поэтому я неподалёку держу поллитровый хайбол, куда отливаю лишнее: излишнюю пенку от пива, газировку, крепкий алкоголь, иногда даже кофе. Содержимое не является мусором, а стакан помойкой в прямом смысле. За насыщенный вечер, каким был сегодня, собируется почти полный стакан, состоящий из всего, что есть на баре. Содержимое я перелил в шейкер, немного сболтал, разлил в коллинз, а сверху аккуратно положил мяту и зонтик для украшения. Всё это время на моём лице стояла небольшая шкодливая улыбочка.

— Попробуй ЭТО. Что там намешано — одному только чёрту известно, — я поставил перед шляпой стакан, наполненный тёмно-красной смесью, ожидая его реакции. — За счёт заведения!

— То, что надо! — воскликнул скелет и тут же влил в себя этот «коктейль».

Я даже немного был разочарован тем, как быстро и непринуждённо он выпил его. Тут же я опомнился, наблюдая, как содержимое стакана проливается по его челюсти вниз на ключицы, затем на рёбра и вглубь рубашки, в которую он был одет. Он чисто физически не может ощутить вкуса... Скелет в шляпе перебирал челюстью, словно смаковал вкус «коктейля».

— Это чертовски вкусно! Лучшее, что я пил за последние годы! — восторженно воскликнул скелет с почти живым энтузиазмом, в заляпанной изнутри «коктейлем» рубашке. — Что это за коктейль, как называется?

Можно подумать, что эта ядовитая смесь несочетающегося между собой содержимого обладает настолько резким вкусом, что даже безжизненный скелет смог хоть немного его ощутить, но я сильно сомневаюсь.

— Нет у этой бурды названия, — отрезал я.

— Хм... Тогда я дам ему название, — задумчиво прикинул шляпа. — Как насчёт «Ядовитая мята»? Не то... «Красная смерть» — банально. «Кровавая Тэри» — уже что-то похожее было. О! Придумал: «Танцы на костях». Как тебе?

— Чушь. Эта бурда никогда не попадёт в меню, — устало, с небольшим высокомерием произнёс я, потеряв всякий интерес к диалогу. — Почему бы вам этот вопрос не обсудить с такими же, как вы?.. В смысле, с такими, как и вы, которые пришли сюда «развлечься»...

Я ожидал очередной «слезливой» истории о том, как жизнь несправедлива, от шляпы, но он не спешил плакаться.

— С таким взглядом тебе не найти себе место в этом мире. Ты обречён на одиночество... — холодно и пронзительно прозвучало от скелета, который мгновение назад дурачился, подбирая название для «коктейля». — Ты ведь понимаешь это?.. Или нет?

Я обомлел.

— Взгляд?.. Если позволите некоторую грубость, вы лучше побеспокойтесь о своём положении! — раздражённо произнёс я, пока шляпа пронзительно смотрел мне в глаза.

— А что моё положение? Зря ты думаешь, что ты что-то знаешь о моём положении, — произнёс скелет. — Ты про своё-то положение не знаешь, а заикаешься о моём... Можешь продолжать думать, что ты чем-то лучше других.

— Я лучш... В смысле, я просто другой. Это даже абсурдно — ставить меня рядом со средним местным постоянным клиентом и сравнивать. Достаточно хотя бы просто взглянуть, — я начал невольно нервничать.

Сложно было бы представить, что у меня состоится диалог такого качества в месте, где я работаю. Я заметил, как разговор невольно и неожиданно зашёл обо мне лично.

— Ты обречён быть одиноким, хоть пока ты этого не понимаешь, — несколько тоскливо повторил шляпа. — Я вижу, как ты сверху вниз смотришь на окружающих. Выпячивай грудь или сутулься — это не поможет скрыть твою неуверенность и смятение.

— Хах, будь это даже так, лучше одиночество, чем такое общество таких... — с усмешкой сказал я, как меня прервали...

— Пётр, здравствуй, как смена? — осторожно прозвучал голос Нинель из-за спины.

Я обернулся и увидел свою сменщицу. Раз она здесь, значит, время уже полночь. Как быстро пролетело время.

— Привет, я немного заметался, сейчас передам тебе смену, — сказал я невысокой девушке с тёмными волосами, убранными в пучок. — Будь аккуратнее с этим странным персонажем в шляпе.

Я указал на место, где сидел скелет, но его там не оказалось — он просто магически растворился. Хотя чтобы я потерял его из виду, ему достаточно снять шляпу. Это была единственная вещь, по которой можно было бы внешне его отличить от толпы других скелетов.

— Впрочем, ладно, видимо, он ушёл, — промолвил я, рассматривая зал. — Он действительно странный, ты его узнаешь по шляпе на черепе.

Нинель кивнула. Я передал ей смену, указал, что я успел сделать и что ещё надо сделать по бару. Пожелал удачной ночной смены и направился уставший домой.

На пути домой я вспомнил, что злополучный бланш так и остался стоять на стойке не протёртым до конца. Меня это расстраивало. Я крутил в голове слова шляпы, и мне не верилось, что я так легко потерял контроль. В голову лезли мысли только о том, как следовало правильнее провести этот разговор и стоило ли вообще вести этот разговор с живым трупом?

«Обречён на одиночество»... Он был бы прав, не будь этот выбор мной осознанным. В этом районе я не задержусь надолго, да и здесь специфический контингент. Размышляя о том, вредит ли мне одиночество или нет, я так и не смог дать однозначный ответ. Знакомства, друзья, близкие — это обременение, взваливание на себя чужой ноши. Зная себя, помощь в решении своих проблем я не приму. Ибо кто лучше меня может решить мои проблемы? Остальные же куда более зависимы от окружающих. Всё это время я отлично со всем справлялся самостоятельно, зачем мне что-то менять? Однако же... Что-то со мной явно не так, раз я пишу эти отчёты. Тогда я уже задаюсь новым вопросом: был ли этот выбор осознанным? В рамках эксперимента, быть может, всё же стоит попробовать найти себе достойного, приятного собеседника? Хотя бы на то время, пока я здесь живу... Дорога до дома и мои мысли порождали всё же больше вопросов, чем решений.

По приходу домой я налил себе бокал красного вина и наконец дописываю свой первый полноценный отчёт. День выдался необычно насыщенным, но я уже начинаю засыпать...